

ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ

РЕДАКТОР ВЫПУСКА
ЛЮБОВЬ КЛЮЕВА

ШЕСТЬ РУКОПОЖАТИЙ

Писатель и педагог Татьяна Шорыгина делится своими воспоминаниями о встрече с поэтом А.А. Тарковским. В статье использованы фрагменты книги Т. Шорыгиной «Причуды памяти».

Венгерский писатель Фридьеш Каринти высказал теорию шести рукопожатий. Смысл её в том, что через рукопожатия можно соединить людей, живущих в разных концах земли. Эту теорию удалось подтвердить американским учёным. Я решила применить её, соединив настоящее с прошлым. Думаю, что через дружеское рукопожатие можно дотянуться до человека другой, уже минувшей эпохи.

Представьте себе, что вы пожали мне руку (хотя бы прочитав эту статью), я пожала руку поэту Арсению Александровичу Тарковскому, которого знала по жизни в Доме творчества писателей в Коктебеле. Тарковский протянул руку Марине Ивановне Цветаевой, ведь они были не только хорошо знакомы, но именно ему посвящено последнее стихотворение поэтессы.

Та, в свою очередь, обменялась рукопожатием с нобелевским лауреатом Иваном Алексеевичем Буниним, с которым она встречалась, будучи в эмиграции во Франции.

И, наконец, Бунин мог обменяться рукопожатием с графом Львом Николаевичем Толстым, к нему молодой Иван Алексеевич приезжал в Ясную Поляну.

Вот так, уже через пять рукопожатий мы с вами добрались до самого Толстого!

Думаю, что читателям будет интересно узнать, как я познакомилась и подружилась с Арсением Александровичем Тарковским, замечательным поэтом и отцом знаменитого режиссёра Андрея Тарковского.

Дело происходило в Крыму. В Коктебеле, в Доме творчества писателей, мы жили в корпусе, который называли в шутку «Корабль». Он и вправду был похож на корабль — длинный, с такой же длинной верандой-палубой. На веранду выходили двери комнат. Перед каждой комнатой стоял небольшой столик и два или три плетёных стула.

Я просыпалась раньше всех в доме, тихонечко вставала и бежала в парк. Парк напоминал бы тропический лес, если б не дорожки, усыпанные мелким ракушечником. Чудесный воздух, в котором аромат экзотических цветов смешивался с запахом моря, кружил голову.

Чаще всего я брала прыгалки и прыгала возле дома. В ту пору мне исполнилось шесть лет.

АРСЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ТАРКОВСКИЙ

Когда на веранде появлялся Арсений Александрович Тарковский — замечательный поэт и на редкость милый человек, он, спустившись по лестнице, говорил:

— Ну что, стрекоза, уже скачешь?

В лёгком ярком платьице с оборками и крылышками на плечах, я и вправду, наверное, напоминала стрекозу-непоседу.

— Ну, расскажи мне, что тебе сегодня приснилось?

Я на секунду задумывалась и отвечала всегда одинаково:

— Ничего!

— Как ничего? — удивлялся сосед (Тарковский занимал соседнюю с нами комнату). — Тогда зачем и спать ложиться? Не видеть снов — это так скучно! — шутил он.

Мы садились на скамейку, я рассказывала Арсению Александровичу, что на дереве шелковицы уже созрели вкуснейшие белые и чёрные мягкие ягоды. Переспелые, они падали на землю.

Я бежала к шелковице, собирала полные пригоршни ягод, и мы с удовольствием ими лакомились.

Я, конечно, не знала, что Арсений Александрович — поэт. Признаться, стихов он мне никогда не читал, но поговорить со мной любил.

Иногда он просил маму отпустить меня погулять с ним, его женой и сыном в Лягушачью бухту.

Мама отпускала меня до обеда, а сама шла на пляж.

В Доме творчества писателей в те годы отдыхало всего человек 60, все друг друга знали. Мама подружилась с поэтом и переводчиком Яковом Козловским и его женой Леной. Козловский писал чудесные стихи, но больше занимался переводами Расула Гамзатова.

Маме, молодой выпускнице филфака МГУ, очень нравились переводы Якова. Ему удавалось сохранить простоту и мудрость Востока в стихах Расула Гамзатова. О нём они могли беседовать бесконечно.

Мы же с Арсением Александровичем и его семейством садились в машину и ехали в Лягушачью бухту.

Бухта и вправду была Лягушачья, вся усыпанная серо-голубыми, гладкими и плоскими, довольно крупными камнями, похожими на лягушек.

Пока Татьяна Алексеевна занималась переводами в тени огромной скалы, мы плескались у берега, потом строили дорожку или стену из камней.

Арсений Александрович не любил отдыхать на общем пляже. Может быть потому, что на Великой Отечественной войне он потерял ногу, а протез был некрасив и неудобен. Здесь же мы проводили время совершенно одни. Никто нас не видел.

Он учил меня так кидать камни в море, чтобы они несколько раз подпрыгивали, как лягушки. Однажды нашёл камешек с дыркой и сказал, что это «куриный бог». Его надо надеть на ленточку или верёвочку и носить на груди. «Куриный бог» обязательно принесёт счастье! Я, конечно, поверила ему, как верила всем взрослым.

В полдень мы стелили на камни салфетку, доставали термос с чаем или какао, фрукты и бутерброды и с удовольствием поглощали всё это.

Мне было хорошо рядом с добрейшим Арсением Александровичем. Время летело незаметно, и к обеду мы возвращались в Коктебель.

Мне очень нравилось бродить по щиколотку в морской воде, запускать на дно раскрытую ладонь, захватывать горстку камней и внимательно их рассматривать на свет. Камни попадались красивые. Розовато-красные сердолики, голубые или тёмно-синие агаты, зелёные нефриты!

Самые лучшие камушки я складывала в круглую жестяную коробочку из-под конфет «монпансье». Камешки были мелкие, а я мечтала найти крупный агат или сердолик.

Однажды моя мечта сбылась: я вытаскала из моря большой, больше куриного яйца, удивительный камень. Сердце моё забилось от радости. Такого камня я ещё никогда не видала!

Розовато-алый сердолик плавно переходил в голубовато-синий агат. Камень напоми-

нал закатное небо над морем, когда солнце уходило за тучу. Или небо предгрозовое.

Я побежала показывать находку маме, подошли и другие отдыхающие. Все восхищались камнем:

— Вот повезло найти такую красоту, истинный дар моря!

Арсения Александровича я встретила на аллее, ведущей к морю. Я тотчас показала ему свою находку.

Он любовался камнем, рассматривая его на свет, потом заметил: «Бывает счастье «лесное», когда возле тропинки вдруг найдёшь крупный крепкий белый гриб, а бывает «морское».

Сегодня у тебя выпало счастье «морское!» — добавил он.

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ КАМЕШКИ

*Я камешки перебирать люблю,
Они давно лежат на дне шкатулки.
Возьму голубоватый халцедон
И вижу гребни ярко-синих волн,
Брызг чувствую солёных чешую
И слышу шум однообразно гулкий
И шорох уползающей волны,
Что лижет золотые валуны
Солёными большими языками
Под крымским небом долгими веками.*

*Я камешки перебирать люблю...
Они вдали от моря потускнели,
А как сверкали весело когда-то
На отмели, в час летнего заката,
Нефриты, халцедоны и агаты —
Сокровища морские Коктебеля!*

*Я запускала руку в глубину,
В разбившуюся брызгами волну,
Среди ракушек шарила по дну,
Вытаскивая горсточку камней,
Я сердолики находила в ней!*

*Они казались розовой пеной,
Застывшие в моей руке мгновенно,
А море, как искусный ювелир,
На свет смотрело камень и точило,
Всё лишнее снимая терпеливо,
Чтоб красоту его увидел мир.*

Поговорим теперь о третьем рукопожатии — А.А. Тарковского с М.И. Цветаевой. Напомню читателям, что М.И. Цветаева получила в подарок книгу переводов из восточной поэзии молодого переводчика Арсения Тарковского. Переводы ей понравились, и она написала Тарковскому письмо, в котором были такие строки: «Милый товарищ Тарковский, Ваш перевод — прелесть...»

Поэты встретились в доме переводчицы Нины Яковлевой.

В то время, по воспоминаниям современников, Тарковский — статный, высокий красавец с благородным, интеллигентным лицом, блестяще образованный.

Именно ему посвящено стихотворение М.И. Цветаевой, открывающееся такими строками:

*Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых» ...
Ты одного забыл — седьмого.
Это поэтический ответ на стихотворение Арсения Александровича:
Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.*

Кстати, стихотворение М.И. Цветаевой знаменито тем, что оно стало последним стихотворением гениального поэта.

ФОТО ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ

